

Опоссуи по имени Дпельсинка

Холли Голдберг Слоун

Иллюстрации
Гэри А. Розен

КАРЬЕРА ПРЕСС
Москва

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7С0Е)-44
С48

Перевод с английского — Ирина Ющенко

Appleblossom the Possum

Holly Goldberg Sloan

Illustrated by Gary A. Rosen

Первая публикация: Dial Book for Young Readers, New York, 2015

Слоан Х. Голдберг

С48 Опоссум по имени Апельсинка / Холли Голдберг Слоан [Пер. с англ. Ирина Ющенко]. — М.: Карьера Пресс, 2019. — 272 с. Илл. Иллюстрации Гэри А. Розен.

ISBN 978-5-00074-257-0

Апельсинка, самая младшая в семье, пытается найти свое призвание и понять, на что она способна. Однажды она случайно попадает в человеческое жилище. И тут Апельсинка открывает в себе неожиданные качества: она может быть бесстрашной и очень даже сообразительной. А как иначе? Ведь здесь обитают мама, папа, девочка и ОГРОМНЫЙ пес. А мама-опоссум всегда предупреждала своих детей: людей и собак надо остерегаться.

Любопытная Апельсинка, ее верные братья (которые придумывают уморительную миссию по спасению сестры) и девочка, которая мечтает о друге, — все они узнают удивительные вещи о том, что такое жизнь, семья и правильные поступки.

Холли Голдберг Слоун — автор знаменитой книги «Я считаю по 7» (бестселлер New York Times, ALA Notable Book, E.B. White Read Aloud Award Honor Book).

Text copyright © 2015 by Holly Goldberg Sloan

Illustrations copyright © 2015 by Gary A. Rosen

© 2019, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке

All right reserved

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Глава 1

Еще мгновение назад она плыла в тепле и уюте, свернувшись клубочком и обернув хвостиком плечи.

И вдруг — толчок, и она вылетает наружу!

У нее нет шерсти, чтобы согреться. Она не может открыть глаза, и ничего не видит. Она слышит, как братья и сестры, тоже разом вылетев в новую жизнь, хватают ртом воздух — кажется, им тоже здесь не нравится. А потом она слышит еще один голос.

ТУК. ТУК. ТУК. ТУК. ТУК.

Это стучит мамино сердце. Оно велит ей не стоять на месте.

Может быть, так любое сердце говорит?

Новорожденный опоссум должен самостоятельно забраться в сумку у мамы на животе. И малышка начинает свой путь.

М е д л е н н о.

В ней нет и двух сантиметров. Она ползет вперед, дрожа под укусами холодного ночного воздуха. (Еще трое детенышей рядом с ней скачутся с большого круглого живота и барахтаются в грязи — хорошо, что она этого не видит.) Перестукиваются на ветру ветки деревьев, осыпаются мокрые сосновые иглы. Светлоглазая ворона пронзительно кричит издали, словно о чем-то предупреждая.

Десять минут спустя, когда крошечные опосумы добираются наконец до края материнской сумки, у малышки уже нет сил. Она дрожит всем телом, крошечные ручки и ножки с тоненькими пальчиками онемели, и она их не чувствует.

Мама, я больше не могу.

Нет ответа. Только сердце стучит — *ТУК, ТУК, ТУК*. Иди!

Мама, я не могу.

Мама...

Ма...

И тут удача поворачивается к ней. Мама-о-поссум вдруг принимает сидячее положение, сумка приоткрывается, и за дело берется сила тяжести. Малышка кубарем летит вниз,

вниз,

вниз.

Здесь *ТУК, ТУК, ТУК* звучит гораздо громче. И еще – *ТИК, ТИК, ТИК*, отовсюду, со всех сторон. Это быстрое тиканье она уже где-то слышала.

Тик. Тик. Тик. Тик. Тик.

Тик. Тик. Тик. Тик. Тик.

Тик. Тик.

Тик. Тик. Тик. Тик. Тик.

Может, это братья и сестры поздравляют ее с победой? Стук их сердец похож на аплодисменты.

Здесь тесно, но уютно. Малышка сворачивается клубочком и оборачивает хвостиком плечи.

Она понимает: в пути она будет не одна.

Глава 2

Детям из первого помета положено давать имена на букву «А». Это чтобы единоутробным сестрам и братьям, тетушкам и племянницам, дядюшкам, дедушкам, бабушкам и прочим родственникам проще было понять, кто кому кем приходится.

Дети из второго помета (по традиции) получают имена на букву «Б». До буквы «З» редко кто добирается, но на городской свалке есть семейство, в котором пометов было так много, что последних детей называли на «Я». Правда, поговаривают, что родители схитрили и пропустили кое-какие буквы. Точно никто не знает, но на свалке и впрямь живут Ян, и Ялмар, и Ясмина,

и Язид, и Янис, и Яра, и Яна, и Якоб, и Ярбек, и таких имен уж точно больше ни у кого нет.

Малыши на «А», родившиеся холодной ночью под гнилым бревном, сидят в маминой сумке и сосут молоко. У них открываются глазки, растет шерсть, да и сами они быстро увеличиваются в размерах.

Всего за два месяца они успевают достаточно окрепнуть и выходят наружу. Мама-опоссум считает, что дети должны быть самостоятельными, и потому предлагает малышам самим придумать себе имена. Так в семье появляются Антонио и Алиса. А еще — Абдул, Аякс, Альберта, Анджи, Алан, Альфонс, Аттикус, Алехандро и Августа. Еще есть Амлет (он хотел быть Гамлетом, но до буквы «Г» еще ждать и ждать). И только у малышки, которая попала в сумку последней, у самой маленькой во всем помете девочки, которая едва-едва одолела этот путь, — только у нее имени пока нет.

Ей уже семьдесят семь дней — пора учиться всем премудростям жизни опоссумов, а значит, брать уроки актерского мастерства. Малышка плюхается наземь и извивается всем телом. Остальные стоят вокруг и смотрят. Малышка репетирует роль змеи.

Мама (прирожденный режиссер) командует:
— Хвост — хорошо, правдоподобно. Но этого мало, надо по-настоящему ощутить себя змеей. Прислушайся к своему телу.

Малышка поднимает лапу. Но она не собирается задавать вопросы о том, как это сделать; просто пока она ползла по земле, то отвлеклась и кое-что заметила. Она вообще часто отвлекается.

— Я только хотела сказать, что там что-то на дереве, как будто из яйца вылупляется. Прямо над нами.

— Да это просто апельсин цветет! — кричит Антонио. — Цветы такие! Они не вылупляются! Они вообще неживые!

Антонио всегда все знает. Он такой умный с самого рождения.

Братец Аякс хохочет. Обидно, будто насмехается:

— Ты что, думала, у апельсина цветы живые? Апельсинка, ха-ха-ха!

— Она не Апельсинка, — возражает Альберта, но тоже смеется.

Мама хлопает в ладоши. Это означает, что пора сделать перерыв, а может — что Аяксу лучше бы подумать, прежде чем говорить. Но малышке все равно. Она понимает, что Аякс говорит обидные вещи, но ей нравится, как это звучит — «апельсинка». И она говорит, громко, чтобы все слышали:

— С этого дня меня зовут Апельсинка.

Все молчат. Она добавляет:

— И не вздумайте звать меня Алисон.

— Больно надо, — фыркает Аякс.

И с этого момента она становится Апельсинкой.

Вскоре перерыв заканчивается, пора опять на репетицию. Апельсинка рада, что сейчас не ее очередь. Апельсинка внимательно смотрит, как играет ее сестричка Анджи. Она не змею изображает. У сестры больше опыта, и сейчас она разыгрывает сценку с Амлетом. Остальные смотрят затаив дыхание. Сцена очень драматичная, да и Анджи умеет подпустить трагедии. Приложив

лапу ко лбу, она стонет:

— Нет! Неправда, Амлет, — питье, питье! Отравлена!

С этими словами Анджи падает наземь. Дыхание ее становится медленнее, потом совсем прерывается. Тело коченеет, лапы вытягива-

ются и застывают, а язык вываливается изо рта набок.

Апельсинка ужасно пугается, но мама аплодирует, а братья с сестрами разражаются радостными криками. Больше всего на свете маленькие опоссумы любят мастерскую игру. Как замечательно Анджи сыграла сцену смерти!

Апельсинка спрашивает дрожащим голосом:

— А вдруг Анджи умерла? Смотрите, какая она стала. Может, надо как-то проверить?

Маленькая Апельсинка отворачивается. На глазах у нее слезы. Мама пытается успокоить ее, объясняет, что опоссуму очень важно уметь правдоподобно притворяться.

Но зачем это нужно — малыши не знают.

Глава 3

Опоссум рождается ночью и проживает жизнь в темноте.

Умный Антонио говорит, что опоссумы — «ночные животные». Ночные животные днем спят, а ночью бодрствуют. С закатом в лесу просыпается огромное множество разных существ, и ночью жизнь в нем кипит не переставая. Немало встречается и ночных птиц, да и мыши в полях и крысы, что вылезают из зарослей плюща и мусорных куч, тоже предпочитают ночной образ жизни.

Когда солнце опускается за горизонт, с холмов спускаются на прогулку толстохвостые еноты. Скунсы — те до темноты спят, свернувшись под

крыльцом или спрятавшись за грудой позабытых грабель и лопат. Дождавшись, пока небо совсем почернеет, выползают пауки, днем скрывавшиеся в трещинах стволов, под отставшей древесной корой или внутри уличной мебели.

В воздух поднимаются летучие мыши. Ночные мотыльки и черные жуки опасливо переползают по замшелым ветвям и старым заборам, скрывавшим их в течение дня. Из-за мусорных баков и поленниц выбираются предприимчивые барсуки, устроившие себе норы неподалеку. Олени перескакивают невысокие заборчики, заходят во дворы, объедают бутоны с кустов роз и молодые зеленые листья с живых изгородей. Сверчки, жабы и лягушки распеваются и начинают свой концерт, возвещающий о наступлении ночи.

Среди всех этих ночных созданий опоссум занимает совершенно особенное место. И мама объясняет, почему так: «Только мы, опоссу-мы, — сумчатые».

Впервые услышав это слово, малыши приходят в восторг. Альберта громко поет:

— МЫ — СУМЧАТЫЕ! МЫ — СУМЧАТЫЕ! МЫ — СУМЧАТЫЕ!

Все остальные принимают участие в пении вместе с нею, а потом выстраивают «опоссумиду» —

пирамиду из опоссумов. Малыши верещат, смеются, но тут Апельсинка умолкает и спрашивает:

— А что такое — сумчатые?

Наступает тишина. Даже Антонио не может ответить, хотя уж он-то знает больше всех, потому что любит узнавать новое. Мама объясняет:

— Сумчатые — это те, у кого на животе есть сумка для детенышей. Еще бывают кенгуру и коалы, они тоже сумчатые.

Амлет не понимает.

— А кенгуру и коалы — это кто?

Мамин длинный нос подергивается. Обычно это означает, что она не знает точно.

— Они живут в далеких краях.

Апельсинка вдруг начинает беспокоиться: а вдруг кенгуру и коалы заблудились? Вдруг им нужно помочь? Она спрашивает:

— Может, надо поискать других сумчатых?

Мамины уши встают торчком: она встревожена.

— Нет! Ни в коем случае! Ищи лучше улиток, червяков, яйца в гнездах и упавшие яблоки. Вот что должен искать опоссум. Мы копаемся в земле и ищем жуков и муравейники. Не найдем — забираемся в птичью кормушку и подьедаем зерно. Мы лазаем по мусорным бакам и тащим из них куриные кости, а завалялась в каком-нибудь жирном пакете еда — и ее подберем. Да, мы умеем охотиться, но еще мы отличные мусорщики! Мы наводим чистоту там, где бросают мусор. Кстати, о мусоре: самое лучшее место в мире — это футбольное поле после матча. Я сама не видела, но слыхала. Но у нас есть своя территория. Мы живем здесь. Так что я никогда не бывала на парковке у стадиона сразу после матча, но, по слухам, еды там остается предостаточно.

Антонио поднимает лапу. У него озарение (это значит, что на него как бы снизошел свет, но, поскольку опоссумы живут в темноте, правильнее будет сказать, что на него снизошла тьма, и он что-то понял).

Кажется, мама довольна своим умным сыном.

— Что, Антонио?

— Вот потому, что мы мусорщики, у нас так много зубов. Мы питаемся очень разнообразной пищей и, чтобы съесть все, что есть, нужно, чтоб зубов было побольше.

«Съесть все, что есть», — повторяют братья и сестры. Им нравится, что получилось в рифму. Мама прямо светится от радости:

— Правильно, Антонио!

Апельсинка тянет вверх лапку и ждет, пока ее заметят. Мама кивает:

— Что ты, Апельсинка, говори.

Малышка несколько секунд собирается с мыслями. Она хочет сказать что-то очень важное.

— Раз у нас много зубов, значит, мы можем красиво улыбаться!

Апельсинке кажется, что за спиной у нее кто-то чихает, но, обернувшись, она видит, что Алан строил дурацкую рожицу, а Альберта и Алиса смеются.

Мама быстро наводит порядок.

— Спасибо, Апельсинка, это интересная мысль. А сейчас я пойду поищу нам поесть. Оставайтесь здесь и поупражняйтесь в импровизации. Очень скоро я каждому дам отдельное задание и посмотрю, как вы справитесь. Помните: главное — убедительность. Используйте свое воображение! Воображение — ключ к успеху.

С этими словами мама исчезает в разросшейся живой изгороди, а тринадцать маленьких опоссумов принимаются репетировать. Они надеются, что вскоре мама вернется и принесет им подгнивший банан или жирный бумажный пакет с остатками холодной жареной картошки.

Так или эдак — будет очень вкусно.